

Волокитина Надежда Александровна

"СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ" В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В статье анализируется песенный фольклор Вологодской губернии с точки зрения выявления в нем реалий военной службы в Российской империи XVIII-XIX вв. Изучены сохранившиеся в народной памяти через песни детали, связанные с набором на военную службу и её прохождением, отношением населения к ней, сделаны выводы о причинах и особенностях подобного сохранения информации в "солдатских" и "исторических" песнях, записанных на территории Вологодской губернии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/9.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2014. № 5-6 (84). С. 42-45. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2014/5-6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(47):398.8:355"17/18"

Исторические науки и археология

В статье анализируется песенный фольклор Вологодской губернии с точки зрения выявления в нем реалий военной службы в Российской империи XVIII-XIX вв. Изучены сохранившиеся в народной памяти через песни детали, связанные с набором на военную службу и её прохождением, отношением населения к ней, сделаны выводы о причинах и особенностях подобного сохранения информации в «солдатских» и «исторических» песнях, записанных на территории Вологодской губернии.

Ключевые слова и фразы: военная служба; Вологодская губерния; песенный фольклор; солдатские песни; историческая память; рекрутчина.

Волокитина Надежда Александровна, к. культурологии

Сыктывкарский государственный университет

anjis@rambler.ru

«СОЛДАТСКАЯ ДОЛЯ» В ПЕСЕННОМ ФОЛЬКЛОРЕ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ©

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-31-01201 «Восприятие армии и военной службы населением Европейского Севера России в XIX – начале XX в.».

Устное народное творчество содержит в себе отражение различных элементов повседневной жизни и сохраняет память о многих событиях прошлого, пусть и в неявной форме. В русском фольклоре одной из излюбленных тем является тема «солдатчины» и «солдатской доли». В фольклоре населения Вологодской губернии эта тема прослеживается в сказках [1], поговорках, частушках, приданиях и, конечно, песнях.

В опубликованных сборниках песни, содержащие сведения о солдатской службе, армии, рекрутских наборах, подразделяют на разные категории, в том числе, воинские, рекрутские, солдатские, исторические, балладные и т.д. [12-14]. Выделение этих категорий весьма условно и зависит от мнения составителя сборника. Цель данного исследования – выявить отражение реалий военной службы в Российской империи конца XVIII – XIX в. в песенном фольклоре населения Вологодской губернии. Наиболее уместным представляется объединить все песни из разных категорий в одну группу «солдатских песен», выделив категорию песен исторических, поскольку по содержанию они отличаются от остальных.

Как отмечает Н. П. Леонтьев, солдатские песни образуют особый цикл народной поэзии. Уже при первых Романовых московские полки, сформированные из наемных «людей военного ремесла», стали пополняться представителями из народной массы. А в петровское время солдатчина стала заметным явлением в народной жизни: солдатская служба была «грозной службой государевой». Она отрывала молодежь от близкой для нее среды на долгие годы. Казарменная жизнь рождала невеселую солдатскую песню [11, с. 10]. Однако, как было выявлено исследователями, солдатские песни далеко не всегда сочинялись, сохранялись и бытовали только в солдатской среде. Так, многие вариации исторических песен, содержащие массу подробностей по конкретным военным кампаниям, на Мезени были записаны в исполнении хора, состоящего исключительно из женщин средних лет [3, с. 75]. «Солдатские» песни бытовали и среди мирного населения, вероятно, этим обусловлен тот факт, что наибольшее число подробностей о службе в армии связано, прежде всего, с рекрутскими наборами, о самой службе данных значительно меньше.

В песенном фольклоре Вологодской губернии присутствуют указания на систему раскладки рекрутской повинности, в частности, в одной песне встречаются такие строчки: «Ровно со ста два солдата брать, / С цеты пята солдата брать» [12, с. 239], в другой: «Да великое-ли будет на нас солда- солдатство? / Да со стали, верно, душ дак нас спяти-пятидесят» [Там же, с. 241]. В XVIII веке созданная Петром I система раскладки рекрутской повинности вполне отвечала задачам комплектования армии и определялась исключительно ими. Размеры повинности и сроки проведения наборов зависели от потребностей вооруженных сил и изменялись от набора к набору, каждый раз формировались заново и рекрутские участки. Происходило это следующим образом. Военное ведомство соотносило свои потребности в новых контингентах с численностью податного населения страны и определяло величину рекрутского участка – число ревизских душ мужского пола, из которых следовало забрать одного рекрута. Затем подготавливался соответствующий императорский указ. Численность такого участка могла составлять, например, 98, 120, 169, 240 душ мужского пола. После опубликования указа или манифеста о рекрутском наборе губернские власти «расписывали» все ревизские души, записанные в последнюю ревизию на подведомственной им территории, по рекрутским участкам. Со второй половины 1770-х годов были введены постоянные рекрутские участки, первоначально состоявшие из 500 ревизских душ мужского пола, с 1831 г. – из 1000 [7, с. 168-169].

Присутствуют также сведения об одном из двух вариантов исправления рекрутской повинности – жеребьевой системе, которая начала вводиться в России дополнительно к традиционной очередной системе с конца 1830-х годов. При рекрутчине и с 1874 г. при всеобщей воинской повинности это означало, что

человек, занесенный в призывной список, тянул жребий, и если на нем был написан условленный знак, то такой человек должен был пойти в рекруты. Тот, кто вытягивал жребий с № 1, попадал в рекруты первым. В одной из песен есть упоминание об этом: «Милый пьяный напился, / Чересчур натрескался, / Чересчур натрескался, / Во солдаты проданся. / Не охотою проданся, – / Первый жребий попался» [14, с. 130]. Интересен в этой связи сюжет песни, которая встречается в Вологодской губернии в нескольких вариациях. В песне передаются размышления родителей о своих трех сыновьях, кого из них отдавать в армию. Старшего и среднего отдавать не хотят, поскольку они женаты, у них семья, значит, придется отдавать младшего, однако, он не согласен, но по жребию идти служить предстоит ему. Сюжет встречается в двух песнях [Там же, с. 128] и отражает реалии того времени, по Рекрутскому уставу 1831 г., если все дети были женаты, то рекрут выбирался по воле родителей, а если не было общего согласия, то рекрут выбирался жребием.

Интересны песенные мотивы с сюжетом про несправедливость наборов: «Не тех забрил в некрута! / Что в Сафроновском правление / Нет рассудку ничего: / Старшина судить за деньги, / Писарь пишет за вино» [Там же, с. 129]. Данный пассаж вполне мог соответствовать действительности. При «практической раскладке» рекрутской повинности и в ходе сдачи в рекруты злоупотребления на низовом уровне (крестьянское самоуправление) были частым явлением. По данным Н. М. Дружинина, «особенно крупным источником» для вымогательства являлась именно рекрутская повинность. В западных губерниях «сельские выборные» даже позволяли себе «перемарывать» уже утвержденные казенными палатами очередные списки [4, с. 65-66, 336-338].

Стоит также упомянуть, что с 1776 г. и вплоть до отмены рекрутской повинности в России в 1874 г. непосредственный набор рекрутов в регионах производили специальные административные органы – рекрутские присутствия – комиссии, создававшиеся заново перед каждым рекрутским набором и действовавшие на определенной для них территории в течение срока набора. Первоначально это были, как правило, только губернские рекрутские присутствия в губернских городах, потом со временем в ходе наборов стали открываться уездные рекрутские присутствия в уездных городах. В Вологде работало губернское рекрутское присутствие [6, с. 63-64]. Этот факт также нашел свое отражение в песенном фольклоре населения губернии: «Середь Вологды приеменькая; / Во приемной есь начальнички; / Остригут они волосьеце» [14, с. 130].

В песнях достаточно часто встречается сюжет, связанный с изменением внешности будущих солдат, самый распространенный мотив связан со стрижкой волос [Там же, с. 129, 130]. Встречаются и более конкретные сведения: «Забривать стали головушки, накидать стали фуражечки, надевать стали шинелюшки» [Там же, с. 129]. Данные мотивы – не случайны. Для того чтобы отличить человека, взятого в рекруты, от прочих и не дать рекрутам бежать, им еще с 1757 г. стригли волосы, выбривая лоб и переднюю часть головы, отсюда выражение «забрить в рекруты» (тем, кого при освидетельствовании в рекрутском присутствии признавали негодными в рекруты, брили затылок) [10, с. 66]. Кроме того, известно, что первоначально рекрутов принимали на службу в крестьянской одежде, однако с 1808 г. отдатчики были обязаны снабжать рекрутов кафтанами или мундирами солдатского покроя и фуражными шапками из серого сукна. С 1813 г. к перечню рекрутского обмундирования была добавлена шинель серого, белого или черного сукна [15, с. 11].

В песнях также сохранились данные и о том, где служили набранные рекруты: «Нас поставят на конец, / Да и гонят, как овец, / Кого в Питер, кого в Польшу, / Меня, молодца, в Москву» [14, с. 130]. Стоит пояснить, что в Российской империи рекруты, за исключением короткого времени при Петре Первом, направлялись на службу в воинские части по всей территории страны. Более того, для того чтобы рекруты поскорее отвыкли от прежней жизни, стали солдатами и не имели соблазна убежать домой, их старались отправлять на службу в другие губернии [9, с. 19]. Рекруты из Вологодской губернии во второй трети XIX века направлялись для прохождения службы на флот и в сухопутные войска, в которых они – и особенно «зыряне» (коми) – ценились как хорошие стрелки.

Сведений касательно самой службы – значительно меньше. Встречаются упоминания об оружии и амуниции, в песнях фигурируют «ружье», «сабля», «штыки» [12, с. 246, 252, 258], «пушки с ядрами», из амуниции упоминаются «мундиры», «шинель» и «кивера» [14, с. 132, 133]. Основным героем данных песен является, естественно, солдат, а чаще будущий солдат, но упоминаются также «гренадьерь», «матрось», «полковой сержант». Конкретно о самой службе говорится только в двух песнях, так, в одной упоминается караул: «Стоять в караул – да вот в караул» [12, с. 247], а в другой поется о молодом солдате, который «на часах стоял» [Там же, с. 245].

В целом, хорошо заметно, что в «солдатских» песнях отношение к военной службе и рекрутчине – весьма негативное, «солдатская доля» видится как тяжкая повинность. Так, в одной песне поется: «Ой услышал про невзго- про невзгоду, про невзгодушку. / Ох, про великую невзго-невзгодушку, / Ох про то ли про солда- про солдатство» [Там же, с. 249]. Действительно, условия службы были тяжелыми – муштра, плохие бытовые условия и питание, медицинское снабжение. В армии были большие потери в личном составе – боевые и не боевые: от болезней, плохого питания и тяжелых условий службы [5, с. 415, 437, 440, 442-454; 9, с. 15-16, 18-22]. Все это вызывало нежелание населения идти на царскую службу, в одной песне прямо говорится: «Мне не хочется в солдаты» [14, с. 128]. Еще одним примером может послужить строчка из другой песни: «Тяжело Ване шинель носить, / Лучше с девушками Ване пожить» [Там же, с. 129].

При таких условиях службы побег был явлением распространенным, несмотря на то, что преступлением считался не только сам побег, но и помощь беглецу – его «укрывательство», наказывали не только лиц податных сословий, но и дворян [9, с. 21-22]. Этот момент также нашел отражение в «солдатских» песнях, записанных на территории Вологодской губернии. В двух вариациях встречается сюжет про побег, причем в одной песне родня не пускает беглеца в дом, боясь наказания, в другой же – сама песня обрывается на просьбе пустить в родной дом [12, с. 245-248].

Заметно, что солдатчина для крестьян – тяжелая и неприятная повинность, она отрывает парней от работ, а иногда совсем отучает от деревенского хозяйства. Да и само солдатское житье, по взгляду крестьян, – невеселое, «непривычное» [14, с. 55]. В песнях об этом сказано так: «Я несчастным уродился... / Я не пахарь полевой, / Не косец я луговой, / Не рачитель домовый, / Я – солдатик рядовой!» [Там же, с. 129]. Вариацией на тему может служить мотив, который встречается не в одной песне, записанной в Вологодской губернии: «Пусть-ко пашенька пустеет; / Малы дети сиротеют; / Сенокосы зарастают; / Молоды жоны вдовеют; / Отцы, матери стареют» [12, с. 244; 14, с. 88].

Нельзя пройти мимо еще одного мотива, распространенного в «солдатских» песнях, – мотива смерти. Песни с подобным сюжетом завершаются просьбой сообщить родным и вариациями на тему: «Поженила меня сабля вострая, / Обвинцало меня ружье военное» [12, с. 252] (ср. «Споженила меня да пуля бы-быстрая, / Обвинцала-то меня да сабля во-сабля востра!» [Там же, с. 253]). Нужно также отметить, что в тех песнях, которые собиратели фольклора отнесли к категории «солдатских» по данным информантов, но где нет конкретных указаний на солдат и военную службу, всегда присутствует мотив смерти, сюжет развивается вокруг мертвого тела в чистом поле.

В сюжете песни «Солнце закатилось за темные леса» рассказывается о «солдатской жоне», которую сразу называют «вдовой». К ней в хиженку стучатся двое, просят переночевать, она рассказывает, что потеряла мужа и сына, когда они ушли на службу, на что мужчины отвечают, что это они и есть [Там же, с. 258]. Взятие в рекруты воспринималось населением как «приговор к смерти». Россия в XVIII-XIX вв. вела частые и кровопролитные войны [9, с. 18, 20-22]. Сама военная служба первоначально была пожизненной, с 1793 г. – 25 лет, потом же, хотя срок её и сокращался несколько раз, он оставался продолжительным, и только незадолго до отмены рекрутчины нижние чины начали служить под знаменами по 7 лет. При введении всеобщей воинской повинности максимальная продолжительность срока службы нижних чинов армии составляла 6 лет. Таким образом, те, кто попадал в солдаты до 1860-х годов, уходили из своих общин, фактически, навсегда, а солдаты 1860-1870-х годов, при сравнительно небольшой продолжительности службы, имели возможность скоро вернуться домой [8, с. 37-42; 16, с. 144-145].

Положение солдатских жен было тяжелым и двусмысленным, часто они оказывались «соломенными вдовами» – формально замужем, но фактически без мужей. Имелись значительные проблемы во взаимоотношениях с родственниками (особенно по линии мужа, если жена оставалась жить в его семье), материальная и бытовая неустроенность [17, с. 79-92], все это поэтически отражено в песнях.

Отдельный пласт в солдатском фольклоре составляют «исторические» песни, в которых содержится отклик на конкретные исторические события, рассказывается об исторических персонажах. Такие песни передавались из поколения в поколение, в них нашло отражение отношение населения к событиям исторического значения. Нужно учесть, что Вологда была достаточно близка к политическому центру страны, население, так или иначе, принимало участие во многих событиях. Однако в песнях народная память сохранила события, связанные в основном с русско-турецкими кампаниями и войной 1812 года, причем поражает наличие в текстах весьма конкретных сведений и имен, хотя наблюдается некоторое смещение событий разных эпох. Песни о турецкой войне связаны, прежде всего, с именем графа И. Ф. Паскевича-Эриванского, в 1828-1829 гг. успешно руководившего действиями русской армии против турок. В песенном фольклоре населения Вологодской губернии встречается подобный текст [13, с. 90]. С именем графа Паскевича связана песня «Ночи темны, тучи грозны» [12, с. 251], где речь идет о взятии Варшавы и подавлении Польского восстания 1830-1831 гг., хотя прямого указания на саму историческую личность нет. В исторических песнях, записанных на территории Вологодской губернии, упоминается также Михаил Григорьевич Черняев (1828-1898), участник покорения Средней Азии (взял в 1864 г. города Аулие-Ата, Чимкент и в 1865 г. – Ташкент) [13, с. 90]. Интересен сюжет песни, где поется о взятии Плевны (компания 1877-1878 гг.) и упоминается великий князь Николай Николаевич (старший), главнокомандующий русской армией на балканском театре военных действий [Там же, с. 91].

Заметно, что в песенном фольклоре Вологодской губернии сохранилось много подробностей о военной службе в российской императорской армии XVIII-XIX вв. В песнях более подробно, чем, например, в сказках [2], рассказывается о системе раскладки рекрутской повинности, жеребьевке, злоупотреблениях при рекрутских наборах и многом другом. Однако о самой службе сведений значительно меньше, чем в тех же сказках. Связано это с тем, в какой среде зарождались и бытовали песни, по сюжету ясно, что составителями являлись крестьяне, вынужденные отдавать молодых крепких трудоспособных парней на царскую службу.

Отношение к службе в царской армии в песнях – явно негативное, служба воспринималась как тяжкая повинность, исключение – песни «исторические». Тон и содержание этих песен – более восторженные, это, скорее всего, связано с разницей в сюжетах и опять же со средой бытования песен. Если «солдатские» песни в основном содержат сюжеты, связанные с деталями набора в армию, смерти солдата, бегства со службы и общения с мирным населением, то «исторические» сохранили память о славных победах русской армии, конкретных личностях, событиях и зарождались, по-видимому, в самой солдатской среде, а затем попали к мирному населению через репертуар бывших солдат.

Список литературы

1. Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н. Военная служба и образ солдата в сказках Европейского Севера России (на примере Вологодской губернии) // Новый университет. 2013. № 6-7 (27-28). С. 82-85
2. Волокитина Н. А., Иванов Ф. Н. Отражение реалий военной службы в сказках населения Европейского Севера России в конце XVIII – XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. 1. С. 43-48.

3. Дмитриева С. И. Фольклор и народное искусство русских Европейского Севера. М., 1988.
4. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М. – Л., 1946. Т. 1.
5. Зайончковский А. М. Восточная война, 1853-1856: в 2-х т. СПб.: Полигон, 2002. Т. 1.
6. Иванов Ф. Н. Формирование региональной сети рекрутских присутствий в Российской империи XVIII-XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-69.
7. Иванов Ф. Н. Эволюция государственной политики в сфере рекрутской повинности в XVIII-XIX вв. // Российская политика: прошлое, настоящее, будущее: сборник трудов / под ред. Г. Ф. Доброноженко, И. А. Гончарова. Сыктывкар, 2006. Вып. 2. С. 164-176.
8. Кормина Ж. В. Рекрутская обрядность: ритуал и социально-исторический контекст // Материалы конференции «Мифология и повседневность» / сост. К. А. Богданов, А. А. Панченко. СПб., 1999. С. 36-50.
9. Корнилов В. А. Рекрутская повинность и внутреннее состояние русской армии в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2008. Вып. 1. С. 8-24.
10. Леонов О. Г., Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1698-1801. М.: ТКО «АСТ», 1995.
11. Леонтьев Н. П. Печорский фольклор. Архангельск, 1939.
12. Песни русского народа / собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году; записали Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
13. Сказки и песни Вологодской области. Вологда, 1955.
14. Сказки, песни, частушки Вологодского края / сост. В. В. Гура. Вологда, 1965.
15. Ульянов И. Э. Регулярная пехота. 1801-1855. М.: АСТ, 1996.
16. Черных А. В. Поведенческие нормы в рекрутской обрядности (по материалам Пермского Прикамья) // Мужской сборник. М., 2001. Вып. 1. Мужчина в традиционной культуре: социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. С. 142-149.
17. Щербинин П. П. Жизнь русской солдатки в XVIII-XIX веках // Вопросы истории. 2005. № 1. С. 79-92.

“SOLDIERS’ SHARE” IN FOLK SONGS OF VOLOGDA PROVINCE POPULATION

Volokitina Nadezhda Aleksandrovna, Ph. D. in Culturology
Syktyvkar State University
anjis@rambler.ru

The article analyzes the folk songs of Vologda province from the point of view of identifying the realities of military service in the Russian Empire of the XVIII-XIX centuries in them. Details preserved in folk memory through songs and associated with conscription and the performance of active duty, population's attitude to it are studied, the conclusions about the causes and peculiarities of such information preservation in "soldiers'" and "historical" songs recorded in Vologda province are made.

Key words and phrases: military service; Vologda province; folk songs; soldiers' songs; historical memory; recruitment.

УДК 33:631.11

Экономические науки

Статья посвящена вопросу трансформации данных, отраженных согласно Российским стандартам бухгалтерского учета (РСБУ), в информационную систему, сформированную по правилам Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). В статье выделены главные отличия в учете по РСБУ и МСФО. Предложен отдельный счет для отражения влияния корректировочных записей на финансовый результат организации с тем, чтобы нагляднее демонстрировать изменение финансового результата вследствие трансформации данных. Приведен пример такого расчета.

Ключевые слова и фразы: Международные стандарты финансовой отчетности; Российские стандарты бухгалтерского учета; финансовый результат; корректировочные записи; трансформация.

Воронков Алексей Викторович

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
alex.voronkov36@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ И РАСКРЫТИЕ ИНФОРМАЦИИ О ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ОТ КОРРЕКТИРОВОЧНЫХ ЗАПИСЕЙ ПРИ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ В ОТЧЕТНОСТЬ, СОСТАВЛЕННУЮ СОГЛАСНО МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ©

Процессы глобализации и интеграции в нашей стране привели к широкому использованию Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) субъектами хозяйственной жизни при подготовке консолидированной бухгалтерской отчетности.